

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН: ЯЗЫК КАК ЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МИРА*

Е. Ю. Талалаева

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 15 сентября 2018 г.

Аннотация: *проводится анализ ранних представлений Людвига Витгенштейна о специфической взаимосвязи между языком и миром. Особое внимание уделено воззрениям австрийского философа, изложенным в его раннем фундаментальном труде «Логико-философский трактат», согласно которым идея о единой логической структуре языка и мира лежит в основе изобразительной теории предложений. Автор раскрывает положение, в соответствии с которым предложение является моделью (или «образом») существующей в действительности ситуации, и обосновывает принцип функционирования фактуального языка в его соотношении с миром.*

Ключевые слова: *Витгенштейн, язык, мир, изобразительная теория языка, образ, предложение.*

Abstract: *the paper analyses Ludwig Wittgenstein's ideas about particular connection between language and the world. The research pays special attention to the picture theory of propositions based on the idea of a single logical structure of language and the world, which set forth in Wittgenstein's early fundamental work «Tractatus Logico-Philosophicus». The author reveals the position according to which the proposal is a model or «image» of the real situation and justifies the principle of functioning of a factual language in its relation to the world.*

Key words: *Wittgenstein, language, world, picture theory of language, picture, proposition.*

Людвиг Витгенштейн является одним из ключевых мыслителей прошлого столетия, тогда как его философское наследие по-прежнему определяет вектор развития современной философии. На протяжении всей жизни Витгенштейн неизменно интересовался проблемой взаимоотношения языка и мира. В своих ранних рукописях он неоднократно затрагивал вопрос о том, каким образом мир репрезентируется в языке. Эту задачу австрийский философ впервые ставит перед собой уже в рукописях *Дневников* (1914–1916), предшествующих написанию *Логико-философского трактата* (1921). Основополагающая идея *Трактата* состоит в том, что структура мира отображается в логической структуре языка. Мир и язык имеют общую логическую форму [1, p. 1], так

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 16-33-00048-ОГН «Проблема понимания иных культур: философско-методологический анализ» и № 18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ».

как это является важнейшим условием репрезентации мира на языке [2, с. 65]. Для того чтобы увидеть реальное положение вещей в мире, достаточно рассмотреть структуру предложений, которые в своей совокупности составляют язык. В этой взаимосвязи заключается онтологическое содержание разработанной в *Трактате* теории языка, где ключевая идея автора ориентирована на представление структуры предложений как «логических строительных лесов» мира. Для дальнейшего анализа витгенштейновского понятия *предложение* важно отметить, что в данном исследовании оно рассматривается не в качестве предложения повседневного языка, а как составной элемент языка, сопоставляющийся с определенным фактом в мире.

В своих ранних работах Витгенштейн утверждал, что на языке могут быть выражены только факты. Его позиция опиралась на суждение, согласно которому мир определен фактами и тем, что это *все* факты (1.11) [3, с. 5]. Но при этом следует учитывать, что определение мира целокупностью фактов (1.1) [там же] не зависит от нашего знания о них. Витгенштейн в *Трактате* затрагивает лишь проблему того, *чем* мир является, но не ставит перед собой задачи выявить, что мы можем знать о мире. Следовательно, его работа призвана раскрыть структуру мира, но не структуру нашего знания о нем. Философ предлагает в качестве «элементарной единицы» мира *факт* (как комбинацию связанных между собой объектов), но не сам объект, подобно тому как «элементарной единицей» языка он считает предложение, а не имя [4, с. 60]. Философия языка раннего Витгенштейна основывается на том, что это скорее теория предложений, нежели имен, эпистемологическая значимость которых остается за скобками интересующего его вопроса. Именно исходя из того, что предложения изображают факты, мы делаем вывод, что мир, который ими определяется, и язык, представляющий собой совокупность предложений, имеют аналогичную структуру или, говоря иначе, разделяют общую логическую форму. При этом смысл предложения заключается в изображении возможного положения дел. Австрийский философ охарактеризовал мир как «действительность во всем ее охвате» (2.063) [3, с. 8], тогда как предложение – «это картина действительности. Предложение – модель действительности, какой мы ее себе представляем» (4.01) [там же, с. 19]. Таким образом, на страницах *Трактата* Витгенштейн разработал замысловатую и сложную *изобразительную теорию* языка, которая легла в основу идеи о том, что предложение представляет собой *картину* или *модель* действительности.

Существует несколько различных предположений касательно того, как к Витгенштейну пришла идея *изобразительной теории*. Однако в данном исследовании мы остановимся на версии, изложенной в биографическом очерке Г. Х. фон Бригта, согласно которой концепция отраженной в *Трактате* теории языка посетила Витгенштейна осенью 1914 г., во время его пребывания в австрийской армии на Восточном фронте [5, р. 8]. В июне 1930 г. Витгенштейн сделал запись в своих философских дневниках, где он упомянул историю о прочитанной газетной заметке,

описывающей судебный процесс в Париже, открытый в связи с автомобильной аварией [Ibid.]. На суде была представлена модель этой аварии, где реальные объекты были замещены уменьшенными копиями. В контексте философской мысли Витгенштейна, аналогией такой модели в языке является *предложение*, которое призвано описывать возможное положение дел в реальном мире. Подобно представленной на суде модели, отдельные части которой (уменьшенные копии домов, машин и людей) имеют взаимосвязь с объектами в мире (реальными домами, машинами и людьми), элементы *предложения* соотносятся с реальными вещами. Таким образом, австрийский философ пришел к мысли, что *предложение* предстает в роли *модели*, или *картины (образа)* положения вещей в мире. В связи с этим философия представляет собой деятельность, которая позволяет обнаруживать или прояснять смысл предложений [6, с. 201].

Для обозначения соотношения *предложения-модели* с миром, Витгенштейн применяет немецкое слово *Bild*, которое на русский язык в рассматриваемом контексте переводится как *картина* или *образ*. Однако ни русский перевод данного понятия, ни, к примеру, его английский эквивалент *picture* не раскрывают всей глубины смысла, изначально заложенного в него автором. Так, профессор факультета философии университета штата Айова Дэвид Стэрн отмечает: «Тогда как оба слова [*Bild* и *picture*] охватывают такие понятия, как: изображения, кинофильмы, кадры, рисунки и художественные картины, – идея трехмерной (пространственной) модели скорее выражается немецким словом “*Bild*”, чем английским “*picture*» [7, р. 36]. Но в русском языке при переводе довольно сложно подобрать верный аналог к понятию *Bild*, так как слово *картина* не всегда является употребимым в рассматриваемых философом случаях, а слово *образ*, хотя и ближе в семантическом плане, но имеет слишком широкую область значений [8, с. 13]. Тем не менее при переводе названия языковой теории раннего Витгенштейна более приемлемо употреблять слово *образ* и, как следствие, *изобразительная* теория предложений, что, по нашему мнению, с большей точностью передает оригинальную задумку Витгенштейна.

Подобные трудности возникают также и при переводе еще одного ключевого понятия ранней философии Витгенштейна. В немецком тексте *Трактата* австрийский философ использует слово *Satz*, которое имеет несколько эквивалентов при переводе на русский язык в зависимости от контекста его употребления (утверждение, фраза, высказывание, тезис и т. д.). Однако в контексте данного исследования целесообразно рассматривать его как *предложение*, по форме представляющее собой составленную определенным образом грамматическую конструкцию. В *Дневниках* Витгенштейн поясняет, что предложение моделирует реальность, замещая предметы знаками, которые не несут никакой смысловой нагрузки, а лишь выполняют исключительно функцию референции. Несмотря на то что такие знаки чаще всего не вызывают никаких ассоциаций с объектами в реальном мире, а само предложение, являясь

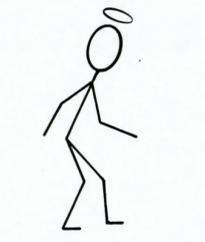
образом, ничем не напоминает собой действительность, грамматическое предложение логически отображает положение дел в мире. Здесь Витгенштейн указывает, что «и нотное письмо на первый взгляд не кажется изображением музыки, а наше фонетическое (буквенное письмо) – изображением нашей речи» (4.011) [3, с. 19]. Но для того чтобы *предложение* действительно можно было считать *образом* возможной ситуации в реальности, должны быть выполнены определенные условия.

Прежде всего, все элементы предложения должны один к одному соответствовать представленным элементам положения дел или атомарному факту [9, р. 12–15]. Витгенштейн писал: «В предложении должно распознаваться столько же разных составляющих, сколько и в изображенной им ситуации» (4.04) [3, с. 22]. Элементарное предложение состоит только из имен, следовательно, оно может отобразить лишь картину атомарного факта, который состоит из объектов, для каждого из которых существует имя. Так, если мы пишем картину, на которой подразумевается стакан и кувшин на подносе, это означает, что на картине должны быть изображены стакан, кувшин и поднос. Но здесь необходимо уточнить, что просто перечень имен не может отобразить положения дел. Согласно Витгенштейну, «выражать смысл способны лишь факты, класс имен этого не может» (3.142) [там же, с. 11]. Значимость, которую Витгенштейн придавал *факту*, изображаемому предложением, также может быть продемонстрирована на примере упомянутого выше натюрморта. Если мы просто разместим изображения стакана, кувшина и подноса в ряд одно за другим, то не увидим целостного осмысленного изображения. Для того чтобы они в своей совокупности могли отобразить некое возможное положение вещей в мире, их надлежит расположить на полотне соответствующим образом. Иначе говоря, все эти объекты должны быть расставлены в определенной последовательности на картине, в соответствии с тем, что они отображают, и в той же самой последовательности, в которой они расположены в действительности.

Кроме того, предложение должно подчиняться «закону проекции» (4.0141) [там же, с. 20] и соотноситься тем с положением дел, которое оно отображает: «знак-предложение – предложение в его проективном отношении к миру» (3.12) [там же, с. 12]. Здесь следует пояснить, в чем заключается отличие между «предложением» и «знаком-предложением». *Знак-предложение*, по сути, представляет собой грамматическую форму высказанного или записанного положения дел. «Стакан и кувшин стоят на подносе» – пример такого знак-предложения. Так, мы можем сказать, что оно состоит из шести слов. Однако само *предложение*, в витгенштейновском понимании, в принципе не состоит из слов – оно лишь выражается опосредованно через слова. Иначе говоря, оно проецируется при помощи знака-предложения в языке. Витгенштейн пишет: «Так, например, в печатном виде знак-предложение, по сути, не отличается от слова» (3.143) [там же]. В предложении, в свою очередь, заключается возможность выразить смысл через его проецирование, из чего следует, что

предложение представляет собой форму, «в нем содержится не смысл, а лишь возможность его выразить» (3.13) [там же, с. 11]. В то время как знак-предложение является лишь средством, при помощи которого изображается картина действительности.

Разумеется, логичнее было бы предположить, что сущностная характеристика знака-предложения могла бы быть более ясно отражена при помощи иероглифов, отображающих положение вещей в мире путем их фактического изображения. Но здесь Витгенштейн указывает, что буквенное письмо произошло из иероглифического, не утратив при этом того, что «существенно для изображения» (4.016) [там же, с. 20]. Из этого следует, что, хотя иероглифическая и буквенная письменность по-разному отображают ситуацию в реальном мире, в то же время они обе способны верно изобразить факт и показать смысл предложения. Всё, что действительно необходимо для описания и, следовательно, для изображения положения дел, присутствует и отображается в полной мере в словесной форме. Например, слово «святой» не менее ясно изображает картину действительности, чем это могло бы быть представлено при помощи соответствующего рисунка [1, с. 65]:

Таким образом, любое предложение, независимо от того, высказано оно, записано или же просто сформулировано в мыслях, должно определенным образом моделировать ситуацию, имеющую место в действительности. Именно поэтому мы можем рассматривать модель, задействованную в ходе парижского судебного слушания, в качестве своего рода образца, при помощи которого становится возможным понять принцип функционирования языка в целом и его соотношение с миром. В связи с этим немаловажно будет отметить, что структура предложения предшествует реальности [10, с. 18], благодаря чему оно способно ее моделировать. Примечательно, что изначально Витгенштейн планировал назвать свой первый философский труд *Der Satz*, так как он посвятил его исследованию природы предложений, и лишь по совету Дж. Мура, предложившего спинозоистское название книги (по аналогии с *Богословско-политическим трактатом* Б. Спинозы) он переименовал его в *Логико-философский трактат*.

Литература

1. *Hunnings G. The world and language in Wittgenstein's philosophy / G. Hunnings. – SUNY Press, 1988. – 266 p.*

2. *Медведев Н. В.* Трансформация философии (к 125-летию со дня рождения Людвиг Витгенштейна) / Н. В. Медведев // Философские традиции и современность. – 2014. – № 1 (5). – С. 63–80.

3. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Философские исследования. Ч. 1 ; пер. с нем. – М. : Гнозис, 1994. – С. 1–74.

4. *Борисов Е. В.* Язык. Сознание. Мир. Очерки компаративного анализа феноменологии и аналитической философии / Е. В. Борисов, В. А. Ладов, В. А. Суровцев. – Вильнюс : ЕГУ, 2010. – 155 с.

5. *Wright G. N.* A biographical Sketch / G. N. Wright // Malcolm N. Ludwig Wittgenstein : a Memoir. – Clarendon Press, 2001. – 144 p.

6. *Медведев Н. В.* Роль молчания в онтологии языка Витгенштейна и Хайдеггера / Н. В. Медведев, Е. Ю. Федотова // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 1 (53). – С. 199–209.

7. *Stern D. G.* Wittgenstein on mind and language / D. G. Stern. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 240 p.

8. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги. Предварительные материалы к «Философским исследованиям» : пер. с англ. / Л. Витгенштейн. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. – 256 с.

9. *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916 / Л. Витгенштейн ; под общ. ред. В. А. Суровцева. – М., 2015. – 415 с.

10. *Hudson W. D.* Ludwig Wittgenstein : the Bearing of His Philosophy Upon Religious Belief / W. D. Hudson. – London : John Knox Press, 1968. – 74 p.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Талалаева Е. Ю., аспирант кафедры философии и методологии науки

E-mail: kater-.ina@mail.ru

Тел.: 8(920) 475-71-84

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Talalaeva E. Yu., Post-graduate Student of the Philosophy and Methodology of Science Department

E-mail: kater-.ina@mail.ru

Tel.: 8(920) 475-71-84